

Екатерина Автушко

ИСЦЕЛЕНИЕ

#модераторвнутреннихдиалогов

Екатерина Автушко

ИСЦЕЛЕНИЕ

Москва
2026

УДК 82-14

ББК 84

А 22

А 24 **Автушко Е.** Исцеление. — М.: Издательство «Душевная книга». 2026. — 196 с.

Роман о женщине, которая уходит из внешне благополучной жизни и уезжает в незнакомый город. В одиннадцати главах героиня заново учится выбирать: еду, слова, людей, себя. Город становится ее собеседником и свидетелем этого пути.

Книга написана без готовых рецептов: исцеление показано в ней как процесс, а не как достигнутый результат. Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6056835-1-3

ISBN 978-5-6056835-1-3

© Е. Автушко, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Осколки	6
Глава 2. Незнакомец	26
Глава 3. Подоконник	48
Глава 4. Привычка	76
Глава 5. Конфликт	93
Глава 6. Дела	107
Глава 7. Горы	120
Глава 8. Решение	140
Глава 9. Новизна	155
Глава 10. Накануне	172
Глава 11. Шаг к себе	180

По утрам, когда нет тумана, она смотрит на горы. Цвета серого асфальта, с зелеными прожилками и снежными вершинами. Древние мудрые горы, они были до нее, есть сейчас и будут после. На их фоне она песчинка и целая вселенная. Ничто и все одновременно. Она вдыхает рассвет, аромат кофе и чувствует... Она чувствует. Вот что главное.

ГЛАВА 1. ОСКОЛКИ

Она была другой совсем недавно. В комфортной жизни, которая со стороны выглядела чрезвычайно счастливой, она чувствовала себя птицей, которую заперли в золотую клетку. Машиной, которая исполняла чужие желания, загоняя под плинтус свои. Каждое утро она надевала на себя маску «хозяйки на кухне и шлюхи в постели», «успешной реализованной женщины», «яркого лидера» — она была кем угодно, но не собой. Хотя ответ на вопрос «Кто я?» она не знала.

Она не помнила, когда это началось, когда собственная жизнь стала ей мала, как становятся малы подросткам вещи после лета. Но помнила, что уже какое-то время ей хотелось сбежать. Чтобы не видеть. Каждое утро. Одно и то же.

Будильник звонил в шесть тридцать. Каждое утро — в шесть тридцать, без исключений, без выходных. Когда-то это было ее собственным решением: дисциплина, режим, продуктивность. Потом стало просто фактом жизни, таким же неизбежным, как зима или налоги.

Она лежала и смотрела в потолок. Белый, ровный, без единой трещинки. Этот потолок они выбирали вместе — долго, придирчиво, листая каталоги с образцами красок. «Теплый белый», «холодный белый», «сливочный», «молочный». Она сказала «молочный». Он согласился, хотя на самом деле ему было все равно. Тогда она еще не понимала, что это важно: замечать, когда человеку все равно.

Она встала. Шлепанцы стояли у кровати ровно, она ставила их так, потому что он однажды сказал, что беспорядок с утра раздражает. Поставила однажды, а оказалось — навсегда. Теперь даже не замечала, что делает это автоматически.

На кухне пахло вчерашним ужином — курица в соусе, его любимая. Она открыла холодильник, достала молоко, поставила турку на огонь. Движения привычные, отточенные, почти балетные — столько раз повторены, что тело делало все само, пока голова оставалась где-то далеко. Иногда она ловила себя на том, что стоит у окна с чашкой в руке и понятия не имеет, как добралась до кухни. Тело жило как будто само по себе, отдельно от нее.

За окном просыпался мегаполис. Гул машин, хлопок подъездной двери, чей-то кашель на балконе напротив. Все как всегда. Все правильно. Все на месте.

Она сделала глоток кофе и почувствовала пустоту.

Не грусть, не тревогу — именно пустоту. Ровную, гладкую, как тот самый потолок молочного цвета. Пустоту, в которую не получалось упасть, потому что она была повсюду — снаружи и внутри одновременно.

«Ты счастлива?» — спросила она себя, как спрашивала уже много раз. И снова не нашла ответа. Не «нет» — это было бы просто. Тишина.

Она была хорошим специалистом. Это все говорили. Коллеги, клиенты, начальник на квартальных встречах. «Надежная». «Системная». «На нее можно положиться». Она улыбалась в ответ и думала: как странно, человека хвалят за то, что он всегда берет на себя чужую ношу и никогда не роняет.

В переговорных комнатах она умела занять нужное место за столом, говорить нужным тоном, расставлять акценты туда, куда требовала ситуация. Она умела убеждать, не давя, и уступать так, чтобы это выглядело как стратегический выбор. Она умела быть видимой именно

настолько, насколько нужно, не больше. Это называлось «профессионализм». Она называла это «еще одна маска».

Дома маски менялись быстро, как в театре с коротким антрактом. С утра собранная, деловая, «я сейчас на звонке». Вечером мягкая, внимательная, «расскажи, как твой день». В выходные легкая, готовая на любые планы, «как скажешь, мне не принципиально, думаю, будет весело».

Ей было принципиально. Очень. Но она научилась не говорить, потому что, когда говорила, становилось только хуже. Ее называли «слишком сложной», «слишком требовательной», «слишком...» — слишком много «слишком». И она убирала свое «слишком» поглубже, застегивала на все пуговицы, улыбалась и спрашивала: «Чай будешь?».

В тот вечер они поехали на день рождения к его другу. Она надела платье, которое ему нравилось, сделала прическу, взяла бутылку вина — правильную, не слишком дорогую и не слишком дешевую. В машине он слушал очередной подкаст про инвестиции и не выключил его, когда она села рядом.

На вечеринке она разговаривала с чужими людьми о чужих вещах, смеялась в нужных местах, подливала вино соседу по столу, когда его бокал пустел. Она была хорошей гостьей. Удобной гостьей. Ее заметили ровно настолько, чтобы пригласить снова.

Домой ехали молча. Он снова включил подкаст.

— Хороший был вечер? — спросила она.

— Нормальный. Устал немного.

— Ага.

Она смотрела в окно на мелькающие фонари. Где-то в груди что-то сжалось и отпустило. Не больно, словно что-то маленькое и живое попыталось подать голос и передумало, словно сжали в кулак маленькую птичку.

Ночью она лежала и смотрела в потолок. В молочный потолок.

«Я устала», — подумала она. Не от вечеринки. Не от него. От себя, той версии себя, которая умеет все правильно и не знает, чего хочет на самом деле.

Утром была встреча. Потом еще одна встреча. Потом обед за рабочим столом, быстро, не отрываясь от монитора. Потом звонок, который она не хотела принимать, но приняла. Еще один день, неотличимый от предыдущего.

Она шла по коридору офиса и вдруг остановилась. Внезапно. Посреди коридора. Коллега чуть не налетел сзади, извинился, пошел дальше. А она стояла и смотрела на стену, где висела корпоративная фотография с прошлогоднего тимбилдинга. Все улыбаются. Она тоже улыбается. Правильная улыбка, правильный наклон головы.

«Кто это?» — подумала она про женщину на фотографии. Ответа у нее не было.

Она начала замечать детали, которые раньше были просто фоном. Садится на то место за столом, которое удобно другим, а не ей — как всегда. Как всегда заказывает на второе, что нравится ему, потому что ей «все равно». Как всегда смеется над шутками, которые не кажутся смешными. Как всегда, всегда, всегда выбирает чужое — незаметно, без драмы, как само собой разумеющееся.

Однажды вечером она поняла: она не знает, какие вкусы ей нравятся. Не в переносном смысле, нет, буквально. Сидела в ресторане, смотрела в меню и не могла выбрать, потому что впервые за долгое время выбирала только для себя, но, как выяснилось, забыла, как это делается. Или и вовсе никогда не умела.

— Я возьму то же, что и ты, — сказала она.

И ненавидела себя за это до самого конца ужина.

Последней каплей стало утро воскресенья. Он спал. Она встала рано, сделала кофе, вышла на балкон. Было тихо. Редкая городская тишина, когда шум еще не успел

набрать обороты. Она стояла с чашкой, смотрела на крыши домов и вдруг очень отчетливо, холодно и без истерики поняла: она не хочет возвращаться внутрь.

Не только с балкона. Вообще в эту жизнь. В сценарий, написанный кем-то другим, где она, как хорошая актриса, выучила роль наизусть и так давно ее играет, что уже не помнит, было ли когда-то на месте роли что-то свое. Была ли вообще она.

Она допила кофе. Поставила чашку. Посмотрела на город.

— Мне нужно уйти, — сказала она тихо, но вслух, чтобы услышать собственный голос.

Никто не ответил. Только где-то внизу хлопнула дверь подъезда, а по тротуару прошел человек с собакой. Быстро, по делу, не поднимая головы.

А она подняла голову. Небо было светлым, почти прозрачным, с остатками ночи у горизонта. Красиво. Она не замечала неба уже очень давно.

— Сбежать, — говорила она себе, — какое странное слово. Убежать тайком, исчезнуть удалиться. Сбежать с тонущего корабля. Как будто я крыса или предатель. Но ведь я должна чувствовать себя счастливой.

В ответ на эти мысли в груди зародилась чернота, которая начала заполнять ее. Снова пропала связь в телефоне. Так часто бывало, когда напряжение внутри нее зашкаливало. Сначала она пугалась, а теперь привыкла. Даже научилась выдыхать и расслабляться, спуская это свое напряжение.

— Наверное, так и случился большой взрыв. Что-то плотное и горячее, что стремительно расширилось. Уже бы взорваться что ли. Проораться в лесу, или что там еще делают правильные женщины?.. Как же ты мне надоела, правильная женщина...

И только она это подумала, как больно ударилась локтем об угол стола.

— Не буду, ругаться, Вселенная. Знаю-знаю, ты права. Как всегда права.

И так с ней часто бывало. Стоит загадать что-нибудь, задать вопрос или подумать — ответ приходит очень быстро. Плакат, случайно попавшееся видео, пара слов от проходивших мимо людей. В детстве она думала, что это совпадения. Потом стала экспериментировать. И поверила себе чуть больше, когда несколько раз пожелала своей первой большой любви проехать через пробки. Бордово-красные дороги на навигаторе, как по мановению волшебной палочки, становились зелеными, вместо двух часов он тратил на дорогу от силы минут 20.

— Ты ведьма, — говорил он.

— Я только учусь, — отвечала она.

Первая большая любовь... Они общались с перерывами года четыре. Ссорились, мирились, расставались и сходились снова. Она, как водится, прощала, ничего, как водится, не менялось.

— Ты была хорошей, — сказал он ей перед тем, как уйти насовсем.

— Удобной, — поправила она.

Ей было больно и тогда казалось, что она развалится на части и никогда больше не соберется. Но время то ли лечит, то ли, как волны, стирает с песка на берегу памяти нарисованные пальцем картинки и надписи из ракушек... Со временем болеть перестало. Сначала она перестала думать о нем каждый день, потом каждую неделю. Потом перестала реагировать на «нашу» музыку... И в какой-то момент зажила жизнью, где он остался лишь историей, которую можно рассказать дочери или подруге под

бокал вина. Сразу удалять номера телефонов, переписки, фотографии, очищать пространство от всего, что может внезапно напомнить, стало ее правилом на всю жизнь.

Первая любовь... После нее была вторая. И третья. И «не-любви» были. Прошло много лет, прежде чем она снова услышала эту фразу. Уже от другого, но почти в такой же ситуации.

Это началось не со скандала. Скандалы у них бывали раньше. Громкие, с хлопаньем дверей и словами, про которые потом оба делали вид, что не говорили. Сейчас было другое. Тихое, медленное, как вода, которая точит камень — незаметно, но неостановимо.

Был обычный вторник. Она пришла домой позже обычного, он сидел за ноутбуком с наушниками, не услышал, как она вошла. Она постояла в дверях кухни, смотрела на его спину, на знакомый силуэт, чуть сутулые плечи, привычка поднимать правое плечо выше левого, когда сосредоточен. Она знала его наизусть. И вдруг поняла, что смотрит на него как на чужого. Не с ненавистью. Просто как на человека, которого совсем не знаешь.

— Привет, — сказала она.

Он снял один наушник.

— А, ты пришла. Поела?

— Еще нет.

— В холодильнике что-то было, кажется.

Он снова надел наушник.

Она стояла посреди кухни и чувствовала, как внутри что-то медленно перекрывается, не с болью, с тихим механическим щелчком. Как задвижка на двери.

Разговор случился через три дня. Они оба знали, что он будет, ходили вокруг него осторожно, как вокруг чего-то, что может взорваться, если наступить не туда. Она не выдержала первой.

— Я больше так не могу.

Он оторвался от телефона. Посмотрел на нее, внимательно, настороженно, чуть раздраженно, как смотрят на человека, от которого ждут плохих новостей, или на глупца, который несет всякую чушь.

— Ок. Обсудим?

Они сели на кухне, как на переговорах. Стол между ними казался шире, чем был. Она сложила руки перед собой и начала говорить, сначала осторожно, потом все точнее, выкладывая на стол слова, которые думала уже долго.

— Я чувствую, что «нас» нет. Что есть два человека, которые живут рядом и делают вид, что все в порядке. Мне тяжело с этим. И я устала.

— Снова ты завела свою песню, — поморщился он.

— Да. Потому что ничего не меняется.

— Я стараюсь.

— Я знаю. Но мне нужно другое. И я не умею объяснить это так, чтобы ты услышал, а ты не умеешь услышать так, как мне нужно. Может быть, это просто несовпадение.

Он помолчал.

— Ты хочешь уйти.

Это был не вопрос.

— Я не знаю. Знаю только, что так больше нельзя.

Неделя была как один длинный разговор с перерывами на сон. Они говорили вечерами, замолкали, расходились по разным комнатам, возвращались. Она плакала всего раз, неожиданно для себя, посреди предложения, и это было странно, потому что слез она не планировала. Он не плакал. Просто становился все тише и тише, как радио, которое уходит в помехи.

Были моменты, когда казалось — вот сейчас. Сейчас что-то сдвинется, что-то скажется правильное, и все изменится. Но правильных слов не находилось. Или правильных слов не существовало просто потому, что иногда

люди не подходят друг другу, и никакие слова тут не помогут, ничего не поможет.

На пятый день он сказал:

— Ты давишь на меня. Всегда давила. Тебя стало слишком много.

— Возможно. Мне нужно больше, чем ты можешь дать. Это не твоя вина и не моя. Это просто так.

— Раньше тебе хватало.

— Раньше я не знала, что мне нужно больше. Вру. Всегда знала. Раньше я считала, что смогу смириться с меньшим.

Она помнила, как пространство между ними стало меняться, не было какого-то конкретного момента, оно менялось постепенно, как меняется солнечный свет под вечер. Сначала оно было живым. Напряженным, но живым, в нем что-то происходило, что-то двигалось. Потом стало остывать. И наконец остыло совсем.

Она смотрела на то, что раньше было их территорией, и видела пепелище. Не пожар, он хотя бы горячи. Пепел. Серый, тихий, холодный.

— Я любила тебя, как могла, сказала она на седьмой день. — И как могла, выбирала. Но мне всегда было нужно больше. Я не могу делать вид, что мне подходит такая жизнь.

— Значит, все.

— Да.

Слово вышло тихо, но очень твердо. Она сама удивилась этой твердости.

Пока он собирал вещи, она сидела на кухне. Не уходила в другую комнату. Хотела, но не ушла. Что-то в ней считало, что нужно выдержать это до конца, не прятаться. Слышать, как в спальне открываются ящики, как шелестит полиэтилен, как скрипит молния чемодана.

Она смотрела на чашку на столе. Его любимая — темно-синяя, с отколотым краем, он никак не мог с ней расстаться. Чашка осталась на столе. Значит, не взял.

«Что я чувствую?», — спросила она себя. Пыталась найти что-то определенное: горе, злость, облегчение, хотя бы страх. Ничего конкретного. Только большая гулкая тишина, как в доме, где только что закончилась вечеринка и ушли все гости.

«Облегчение», — поняла она наконец. И тут же устыдилась этого облегчения. Как будто оно было неправильным чувством. «Почему неправильным?» — спросила она себя и не нашла ответа.

Он появился в дверях кухни с сумкой и рюкзаком. Остановился. Они смотрели друг на друга долго, как смотрят в последний раз на что-то, что было важным.

— Ты была хорошей, — сказал он.

Она вспомнила: та же фраза, двадцать лет назад, другой голос, другая кухня. Дежавю накрыло ее тепло и странно, почти нежно.

— Удобной, — ответила она, как тогда. И добавила то, чего раньше не было. — Но больше не буду.

Он кивнул. Ушел. Дверь закрылась тихо, без хлопка, без сцены. Она сидела еще несколько минут. Потом встала, взяла синюю чашку с отколотым краем, подержала в руках и аккуратно поставила обратно на стол. Пусть стоит. Это тоже часть истории.

За окном темнело. Фонари на улице зажглись один за другим, как будто кто-то шел и включал их специально для нее.

— Теперь куда? — спросила она у темноты.

Темнота не ответила. Но где-то в груди что-то слабо и тепло шевельнулось. Не ответ, что-то, похожее на направление.

Она знала, что потом холод уступит место боли. А сейчас тишина была такой звенящей, что ей захотелось сделать хоть что-то, чтобы снять это напряжение. Она посмотрела на чашку, стоящую на столе. «Бросить бы ее в стену, —

подумала она, — но нельзя. А почему нельзя? Кто запретил? Смешно. Да, я так часто старалась быть удобной...»

Она отвернулась, и вдруг услышала звук разбивающейся о пол чашки.

— А ты шутница, Вселенная, — сказала она, — ты выполнила мое желание.

— Просто ты ведьма, — ответила Вселенная, — только... Учись выполнять их сама.

Иногда она задумывалась, к кому обращалась, когда говорила со Вселенной. Наверное, к самой себе, к той части, которую отрицала и иногда считала сумасшедшей. К той, которая умела превращать десятибалльную пробку в свободную дорогу, писала подруге в тот самый момент, когда той было грустно или нужна поддержка, к той, про которую говорили, что в ее пространстве с людьми происходят изменения, к той, что в шутку говорила: «Загадывай сейчас, исполнится — обещаю», а через некоторое время получала сообщения типа «Поверить не могу! Все сбылось! Ведьма!»

А может и правда. Ведьма...

— Тебе пора. Я давно тебя жду.

Голос был теплый, мужской и бесконечно надежный. Казалось, что у этого голоса есть руки, в которые можно падать с любой высоты. Они поймают. Голос был незнакомым, но она словно бы знала его всю жизнь.

— Поговори со мной. Куда мне нужно идти? Скажи хоть что-нибудь!

И тут она проснулась. Как это часто бывало, в четыре утра. Время, которое называют «ведьминым часом», когда стирается граница между миром людей и духов. Одно

время ей казалось, что эти пробуждения — просто накопившиеся в ней тревога и напряжение. Но слишком уж много странностей было с ними связано: то приходили люди и говорили про события, которые случались потом в реальности, то просто подсказки от Вселенной. Она научилась не отмахиваться от таких вещей, хотя считала себя расчетливой и прагматичной.

«Подумаю об этом утром», — решила она. Любимый принцип, навеянный словами Скарлетт О'Хары, помогал ей в самых сложных обстоятельствах: и когда неясно было, на какие деньги выживать весь завтрашний день, и когда предавали те, кому доверяла, и когда непонятно было, какое решение принять.

Утром она смотрела на свой дом. Когда-то она хотела, чтобы он стал ее крепостью, их убежищем. Сейчас он казался ей пустым и мертвым. Не потому, что мужчина ушел из него. Она смотрела в зеркало и понимала — нет больше той, которая хотела в нем жить. Может, и не было никогда. Был кто-то удобный, кто старался подстроиться и сделать хорошо кому угодно, кроме себя.

— Ты прав, голос. Здесь невозможно дышать. Мне нужно уйти. Чтобы выжить.

Уйти. Сказать всегда проще, чем сделать. Дела, работа, обязательства (куда же без них). И совершенно неясно, куда и почему. Потому что голос во сне так сказал?

— Ну и дура же ты, — сказала она себе, — куда ты собралась уходить? Столько вложить в карьеру, в отношения... И что теперь?

«Ты была хорошей», — пронеслось в голове, и тут же хлопнуло от ветра окно, уронив с подоконника вазу. Она вздрогнула, по рукам побежали мурашки, стало холодно, как в сыром склепе.

— Думаешь, нужно уйти, чтобы остаться собой? — произнесла она, с вызовом глядя в окно.

Ей никто не ответил, только фонари на улице зажглись теплым оранжевым светом, словно подсказывая ответ на заданный вопрос.

— Позвал — вот и ведем, — усмехнулась она, — ведьму нельзя обижать, только беречь, как самое прекрасное, что когда-либо было и когда-либо будет в твоей жизни.

«Чтобы ты не промокла, я буду твоим плащом», — эхом откликнулось ей из проезжающей по дороге машины.

«С ума я двинулась что ли со всеми этими расставаниями», — подумала она, но...

Всю жизнь она была правильной девочкой. Ровно училась, ровно работала, стремилась никому не досаждать и делать так, чтобы не к чему было придраться. И, как во всех людях, которые долго терпят, иногда в ней просыпалась буря, сносившая до основания старые жизненные устои, чужие принципы и желания, оставляя только чистую энергию. Чистую ее. Тогда она совершала поступки, которые окружающие считали странными, а родственники редко поддерживали: меняла стабильную работу на неизвестность, разрывала отжившие себя отношения, меняла города.

С городами у нее вообще были необычные отношения. Она верила, что с пространством можно общаться, как с человеком, у пространства есть лицо, душа, привычки, энергия. Одни места открыты и безопасны, как приветливая хозяйка, которая радуется любым гостям. Они принимают тебя сразу, с ними чувствуешь себя обласканным со всех сторон, тебя кормят, поят и укладывают спать в теплую постель. Другие встречают тебя настороженно, суть их тверда и холодна, чем больше стараешься понравиться,

стать своим, тем тверже они держат свои границы. Они живут по своим правилам, не дают сверх того, что считают нужным дать. Строгие и, в целом, справедливые. Есть места больные, опасные, есть — шумные, суетные, энергичные... А есть те, в которых будешь болеть и умирать, если решишь остаться.

Так она уехала из своего родного города. Выбор, который каждый, слышавший ее историю, трактовал по-своему. Хотя она просто хотела вылупиться из своего кокона, перестать быть незаметной и проявить то, что спало в ней, но пыталось вырваться наружу. Она хотела дать пространство бунту. Сейчас бунт был другой: предел прочности достигнут, попытки закрутить болты еще сильнее приведут к разрушению всей системы. Больше давить было нельзя, ей вдруг захотелось слушать себя и свои желания, разрушиться и собрать себя заново с той скоростью, с которой получится, любить каждую трещинку своей души. Когда-то ей попалась статья про японское искусство реставрации керамики — кинцуги. Каждая трещинка на изделии, считают японские мастера, заслуживает внимания, потому что являются частью истории объекта, их не маскируют, а наоборот — красиво подчеркивают.

— Мне больно. Пусть. Это часть моей истории. Это мое.

Так думала она, собирая вещи. Как оказалось, нужно их было не так уж и много. Остальное стало чужим, как и весь этот дом. И было ей больше не нужно.

Она не знала, куда собирается ехать, плана не было вообще. Она дала себе время, а место... Место выберет себя само. Приехать в аэропорт, взглянуть на табло — и выбрать название, которое первым попадется на глаза.

Она всегда любила аэропорты. Есть что-то честное в пространстве, где никто не притворяется, что живет тут и что он здесь надолго. В аэропорту все временные, все в пути и немного не в своей тарелке, даже те, кто летает каждую неделю и делает вид, что уже все в этой жизни видел и все знает. Аэропорт обнажает людей так, как не обнажает ни одно другое место. Разве что вагон поезда, где плачут, не стесняясь, едят в шесть утра лапшу быстрого приготовления с непередаваемым запахом, разговаривают с незнакомцами о вещах, которые никогда не сказали бы дома. Здесь все — случайные попутчики.

Она вошла в зону вылета с маленьким рюкзаком и дорожной сумкой, это было все, что она взяла. Остальное осталось в квартире, которая теперь стала просто стенами, адресом, не домом. Она не чувствовала себя легко. Скорее, странно пусто, как бывает, когда долго держишь что-то тяжелое, а потом отпускаешь и руки не сразу понимают, что им делать.

Она подошла к табло и смотрела на него долго, дольше, чем нужно. Города, времена, номера рейсов. Мелькающие строчки, как чужие судьбы. Она ждала. Не чуда. Просто чего-нибудь.

Он прошел мимо нее быстро, мужчина в свободной льняной рубашке цвета слоновой кости и светлых брюках. Высокий, с уверенной походкой человека, который знает, куда идет и зачем. Говорил по телефону, по-русски, что удивило ее в этом интернациональном месте, да и образ не очень типичный для нашего человека.

Взгляд ее упал на кольцо. Крупный камень бирюзы на безымянном пальце правой руки, не женский и не мужской, просто вещь, которая знает, что она красива, и не нуждается в объяснениях. Такие вещи бывают у людей, которые давно перестали выбирать для других, под них подстраиваться.

«Значит, Город. Да?» — подумала она.

— Отличная идея, — сказал он в телефон.

Она обернулась. Он не смотрел на нее, шел дальше, говорил, прижимая телефон плечом, левой рукой тянул маленький чемодан, а в правой держал ноутбук. Вся эта конструкция могла рухнуть, лишит его и телефона, и ноутбука, но двигался он легко, свободно и уверенно, не боясь что-то потерять или уронить. Так делают люди. Не просто те, кто перестал выбирать для других, а те, кто научился выбирать себя и получил за это вознаграждение. Толпа постепенно скрывала его.

— Совпадение. Конечно, совпадение, — подумала она.

Она увидела его снова у стойки кофейни. Он стоял чуть в стороне от очереди, снова смотрел в телефон, но, кажется, не читал, а просто держал устройство в руках. Она купила кофе, взяла стакан и зачем-то встала совсем рядом.

Он поднял глаза.

— Тоже задержка? — спросил он. Не кокетничая, просто, как люди разговаривают в аэропортах.

— Нет. Я пока не выбрала рейс.

Он посмотрел на нее коротко, но внимательно. Такой взгляд она замечала редко: не оценивающий, не любопытный, просто видящий.

— Хотел было сказать, что завидую. Потом подумал, обычно за таким ответом есть непростая история. Хотя... Да, завидую.

— Почему?

— Я всегда знаю, куда лечу. Это удобно, но немного скучно. Как будто из блюда изымают специи или питаешься только правильной диетической едой.

Она не знала, что ответить, а он и не ждал. Взял свой кофе, кивнул ей коротко, как кивают хорошим знакомым, и ушел.

Потом, в самолете, глядя в черное ночное окно, она думала о нем. Не о нем конкретно, а о том образе, который успела составить за две мимолетные встречи и который, скорее всего, не имел ничего общего с реальным человеком.

Ей нравилось представлять людей. Придумывать им жизни не насмешливо, а с искренним интересом, как читаешь книгу, которая не обязана быть правдой, чтобы быть настоящей. Раньше она и себе придумывала жизни. В своей голове она позволяла себе проживать разные судьбы. Возможно, чтобы не прожить ни одну из них в реальности, а возможно, просто была фантазеркой.

Итак. Объект «Мужчина с бирюзовым кольцом». Предположим, ему лет сорок пять и он знает несколько языков, но не потому, что учил их специально, просто так сложилась жизнь. Он рос в одном месте, учился в другом, работал в третьем. У него папа-дипломат и мама-переводчик, необычные и творческие люди, они не воспитывали сына, а делали частью своей жизни, своей среды. Он «просолился» их системой. И всегда был немного белой вороной среди других детей. У него есть дочь от первого брака и сложные, но теплые отношения с бывшей женой, только после разрыва они научились уважать и ценить друг друга, стали практически друзьями. Утром он любит пить кофе без сахара из старой отцовской чашки, читает бумажные книги, оставляет в них пометки карандашом или подчеркивает что-то ногтем. В такие моменты он смеется, вспоминая, что так же делал Пушкин несколько веков назад. Иногда ему одиноко, но не мучительно, как бывает ей, его одиночество тихо, как фоновое бормотание радио, к которому привыкаешь. Бирюза... Она досталась ему от деда, например. А может, он купил ее сам в каком-нибудь восточном городе, где бродил по узким извилистым улицам и чувствовал себя неожиданно счастливым и свободным.

Конечно же, она не могла достоверно знать ничего из этого. Она все придумала, как придумывают образ своих героев писатели. И все же, как ей казалось, в этом придуманном было что-то, что правдивее любой биографии.

Наконец она решилась и подошла к стойке.

— Один билет в Город. В один конец, — сказала она.

В ее голосе смешались сомнение и безапелляционность. Девушка за стойкой посмотрела на нее с легким профессиональным изумлением, профессиональное оно потому, что его тренируют не выражать открыто.

— Минуту. Рейс через два часа сорок минут. Последний билет.

Внутри что-то коротко тихо щелкнуло. Замок нашел свой ключ.

— Отлично, — повторила она, — один билет.

Самолет поднялся в сумерки. Она смотрела, как город внизу превращается в схему самого себя: сетку огней, пунктиры дорог, темные пятна парков, островки торчащих высоток. С высоты все кажется понятным и простым, видна сразу вся картина, и непонятно, почему, когда стоишь внизу, разобраться так сложно.

Она подумала о человеке с бирюзовым кольцом. Где он сейчас? Знает ли, что дал ей знак, или всего лишь отвечал на звонок? Наверное, не знает и уже забыл. И она запомнит не его самого, а скорее ощущение, что бывают люди, которые проходят мимо в нужный момент, чтобы сказать в том или ином виде: «Отличная идея». Словами через рот сказать для особо нечувствительных. Иногда этого достаточно.

Она вздохнула от ощущения усталости и перегруженности. Как будто несла на плечах корзину, в которую каждый встреченный в жизни человек клал по камню. Сначала просто несла, потом пыталась отдавать обратно, потом — закрывать корзину крышкой или отмахиваться, чтобы камни не попадали внутрь. Снять корзину с плеч и пойти налегке почему-то не приходило в голову.

Дорога — безвременье, промежуток между прошлым и будущим, где, возможно впервые за долгое время, ты встречаешься с собой в настоящем.

Ей досталось место у окна и молчаливые соседи. Она смотрела на иссиня-черное, как ягоды черной смородины, небо и пыталась думать об оставленных отношениях, доме, друзьях, пыталась понять, что чувствует про свой побег, любовь (любовь ли?), жизнь, что осталась под крыльями самолета, пыталась представить, что ждет ее на новом месте, как встретит ее Город. Сосредоточиться не получалось, она то ныряла в сон, то ненадолго выныривала из него, разглядывала небо, ночные звезды в небе и огни на земле, пыталась представить ландшафт, людей, которые живут на территориях, их жизни и судьбы, а затем снова погружалась в небытие.

Ранним утром она вышла из аэропорта. Солнце светило еще не очень ярко, но уже было понятно, что день будет теплым. Внезапно ей стало легко. Она сделала несколько шагов, остановилась, сняла с плеч рюкзак с вещами и вместе с ним, как будто огромную корзину со всеми камнями и ношами, которые несла на себе всю жизнь. Ей показалось, что снятая с плеч куча громоздится тут же, возле ее левой ноги, протяни руку — возьми обратно. «Мне это больше не нужно», — сказала она вслух, и озорная девчонка внутри нее залилась звонким смехом и, спотыка-

ясь, умчалась с визгом по зеленому лугу, кружась в танце и протягивая солнцу свои маленькие загорелые руки.

— Ведьма, значит... Посмотрим, что из этого получится, — подумала взрослая девочка. Потянулась, раскинув руки, и двинулась навстречу Городу и своей жизни.

Впервые за долгое время она улыбалась без усилия и надрыва, без нужного поворота головы. Она ничего не знала про этот город, но чувствовала: здесь можно быть разной. Можно быть собой.

ГЛАВА 2. НЕЗНАКОМЕЦ

Она всегда считала, что лучший способ почувствовать место — жить так, как живут аборигены, поэтому не стала вызывать такси, а двинулась к автобусной остановке. Первое, на что она обратила внимание, — никто никуда не торопится.

В родном мегаполисе она привыкла к бешеному ритму, никто никого не замечал, люди жили, уткнувшись в экраны телефонов или подошвы своих ботинок, а иногда — смотрели поверх тебя или сквозь тебя, пытаясь самим себе показать свое место. Они были так заняты собой, что совершенно не замечали окружающих. Было время, когда только это тотальное безразличие и спасало ее от желания снова стать незаметной и сливаться со стенами. «Им все равно, — говорила она сама себе, — давай позволим себе маленький эксперимент». И носила правый ботинок на левую ногу, читала стихи под нос сама себе или позволяла себе на собеседованиях более дерзкие и уверенные ответы, чем раньше. Мегаполис постепенно наращивал в ней броню, чтобы защищать чувствительную ведьмину часть.

А сейчас, смотря на людей, она поняла, что броня здесь будет лишней. В ней она выглядела громоздкой и как будто лишней в пространстве города. Из рыцарских доспехов выглядывала ведьма, и люди замечали ее, улыбались, заговаривали о чем-то, как будто признавали свою.

Она села в автобус, чтобы доехать от аэропорта до центра города. Было утро, начинался рабочий день, автобус неторопливо ехал сквозь пробки (хоть в чем-то похожи все города), водитель сигналил соседним машинам, иногда переругивался с другими водителями, но делал это легко, без злости, словно петух, желающий показать курам во дворе, кто здесь самый яркий и важный.

Солнце светило в окна автобуса. Оно освещало листву и разноцветные цветы, которые заботливые дворники высаживали на клумбах и вдоль дороги. Она прислушивалась к себе, стараясь уловить сигналы Города. Но он молчал и просто делал то, что делает каждый день — жил свою жизнь, пронося людей и автомобили по улицам, как сердце проносит кровь по кровеносным сосудам. В секунду ей стало одиноко и грустно, привычным движением она вставила наушники, включила проигрыватель, нажала «Перемешать». Часто случайная песня отвечала ее настроению.

Не грусти, не переживай
Больше тебя никто не тронет
И не поймают, и не догонят,
И не заставит быть проще...

Ведьма усмехнулась и с вызовом посмотрела на небо. Хотелось побеждать и соревноваться. Она усмехнулась вновь и сделала длинный выдох. Соревнований в ее жизни было достаточно, а вот допускать, что кто-то может заботиться о ней просто так, она совсем не умела. Город был пока совершенно чужой, но она впервые чувствовала себя в безопасности.

Квартиру она нашла достаточно быстро. Сама не ожидала, что подойдет чуть ли не первый выпавший на сайте вариант. Он подходил ей по всем параметрам: цена, расположение, обстановка внутри. Просторная комната, объединенная с кухней, располагалась на верхнем этаже, под самой крышей. Рядом с дверью располагался люк на

чердак, он был открыт, и она увидела свисающие под крышей провода и веревки. «Вход в Преисподнюю», — подумала она.

Сначала ей показалось, что стены по обе стороны окна будут загораживать свет, но оказалось, что они дарят прохладу и защищают от палящего днем солнца. Кухонный подоконник был превращен хозяевами в стол, и она решила, что будет приятно по утрам пить здесь кофе, неторопливо и в тишине. «Да будет так», — решила она. И осталась.

Второе утро ее новой жизни началось со звуков. По привычке она проснулась раньше будильника, которого второй день не было. А вот то, что он молчит и выключен, она поняла не сразу: несколько секунд лежала и ждала звонка, а потом вспомнила, что ей никуда не нужно. Никуда и ни к кому. К себе разве что. Просыпаться и смотреть, что будет.

За окном кто-то подметал тротуар. Метла шаркала по асфальту ритмично, почти музыкально. Потом зазвонил чей-то телефон, далеко, через стену или с балкона, ответили по-местному, коротко и певуче. И следом запах. Кофе и чего-то пряного, чуть сладкого. Запах доносился то ли из пекарни, то ли из чьего-то окна. Она лежала, слушала, вдыхала — и никуда не торопилась.

Ощущение было странное. Пытаясь описать его словами, она сформулировала так: хорошо и странно одновременно. Как надевать чужую одежду, которая неожиданно оказывается впору.

В девять утра, а по меркам ее прежней жизни это было почти в обед, она вышла на улицу. Дома — в том месте, которое считала домом раньше — к этому времени она обычно бывала уже на третьей встрече и второй чашке кофе. Здесь в девять утра город только просыпался, неспешно, вразвалку, без извинений за опоздание.

Когда она ехала в аэропорт с паспортом в рюкзаке, то не думала, куда улетит, на каком языке будет общаться в ближайшее время. Она не планировала именно этот город. Увидела название, рейс без пересадок, виза (она быстро проверила) никакая не нужна... Будто кто-то заранее предусмотрел самый удобный для нее вариант.

Прилетев, она не почувствовала себя иностранкой. Все вокруг говорили на ее языке. Для них он тоже был родным, домашним, на нем думают, ругаются, говорят «я тебя люблю» шепотом в темноте. На вывесках, не мешая друг другу, соседствовали два алфавита. Один она читала без усилий, а второй — угадывала, как угадываешь написание близкого в шарканье тапочек по полу.

Город был укутан горами, в нем знакомое ей прошлое несуществующей уже страны соседствовало с чем-то восточным и своим, и эта смесь не казалась противоречивой. Она создавала облик места, неповторимость пространства. Здесь в кофейнях могло быть меню на трех языках, но чувствовалось: это место знает, кто оно такое.

Она не могла объяснить, почему именно сюда, но, когда вышла из самолета и увидела на горизонте спокойные, со снегом на вершинах в разгар лета горы, поняла, что оказалась в правильном месте.

Она пошла наугад. Что тоже было странно. Идти без маршрута, без карты, без цели. Первые пять минут она ловила себя на том, что включается внутренний навигатор: «Пойду туда, потом сверну, потом посмотрю на то, потом вернусь, это займет около двух часов, надеюсь». Потом заметила это и усмехнулась. Остановилась посреди тротуара, достала телефон и убрала обратно. «Мы же решили просто идти и пробовать, подружка», — сказала она сама себе.

Город был не таким, каким она его воображала в самолете. Она предполагала, что он будет роскошным, декоративным, сошедшим с открытки и немного загадочным, как

тот голос во сне. Он оказался живым. Местами облезлым, с трещинами в штукатурке и граффити в торцах. Не уличным искусством, а именно граффити, с чьими-то инициалами и датами. Деревья, огромные дубы, которые обхватить можно только вдвоем, а то и втроем, росли прямо из тротуара. Их корни кое-где взламывали асфальт, но никто не торопился латать трещины в асфальте, а уж тем более — рубить деревья. Деревья старше тротуара. Это все понимали.

В лавке, где торговали фруктами, овощами и домашним сыром, она купила персик — крупный, теплый, пахнущий так, как пахнут персики в детстве, а не в супермаркете. Съела прямо там, стоя у прилавка. Сок потек по подбородку, капнул на джинсы, ей было все равно.

— Хороший, да? — сказала торговка, пожилая женщина с руками, которые знают, что такое работа. — Сегодня утром привезли.

— Очень, — ответила она.

Они улыбнулись друг другу. Просто так. Без причины.

В маленькой кофейне с тремя столиками она просидела почти час. Хозяин, молодой мужчина с аккуратной бородой и серьезным отношением к кофе, объяснял ей разницу между двумя сортами зерна так подробно и увлеченно, как будто это был самый важный разговор в его жизни. А она — самым важным и ценным слушателем. Она слушала внимательно и честно старалась запомнить, ведь когда рассказчик заинтересован, слушатели должны быть ему под стать.

— А вы ведь недавно здесь.

— Первый день.

— Чувствуется. Взгляд у вас такой... широкий. Те, кто живут здесь давно, перестают так смотреть. Привыкают.

— Это плохо?

— Не знаю. Это по-другому, наверное.

Она шла дальше, замечая детали, на которые, наверное, местные давно не обращают внимания: кот на подоконнике второго этажа, рыжий и совершенно невозмутимый, смотрит на улицу с видом философа и улыбкой Чеширского кота. Старая дверь с коваными петлями и новым домофоном рядом. Эклектика, смешение эпох. Клумба во дворе, которую явно делал человек с чувством юмора: среди цветов стоит маленький гипсовый гномик и держит табличку с надписью на местном языке — она как-то интуитивно поняла, что там что-то ироничное, и неожиданно для себя спросила у проходившей мимо девочки лет десяти:

— Что там написано?

Девочка остановилась, посмотрела на гномика, потом на нее.

— «Не топчите газон. Я слежу».

Она погрозила гномику пальцем и грозно свела брови. Девочка посмотрела с удовлетворением и пошла дальше.

К вечеру гудели ноги. Она нашла скамейку в небольшом тенистом сквере рядом с фонтаном. В городе было на удивление много фонтанов. Вокруг на лавочках сидели пенсионеры, играли в нарды двое мужчин, мимо катила коляску молодая мама с усталым и счастливым лицом.

Она достала из сумки блокнот, который купила утром в магазине всякой всячины, и написала первую фразу. Просто так, без плана:

«Я здесь. Непонятно зачем, но здесь».

Посмотрела на написанное. Перечитала. Добавила: «Кажется, этого пока достаточно».

Той же ночью, уже лежа в кровати, она поняла кое-что про Город. Он не торопил. Не навязывался. Не требовал от нее решений, планов, результатов. Просто был. Большой, теплый, немного хаотичный, совершенно не похожий на

то, к чему она привыкла. И именно это ощущение, что от нее здесь ничего не требуется, что она может быть просто человеком, который идет по улице, ест персик и грозит гипсовому гномику, именно это ощущение и было, кажется, тем самым, за которым она сюда приехала.

Она еще не умела это назвать точно. Но что-то в ней знало: это оно.

В три ночи она проснулась. Резко подняла голову с подушки, как будто кто-то окликнул и ей нужно ответить. Комната была тихой, темной, незнакомой — и эта незнакомость ударила ее сразу, как только она открыла глаза. Не тот потолок. Не молочный. Не тот запах. Не тот город за окном. Никого рядом.

Она лежала и дышала ровно, намеренно, считая выдохи. Это помогало обычно. Сейчас не работало. Мысли не прекращали двигаться по небу ее сознания, это были не мысли даже, скорее обрывки, картинки, ощущения, набегающие друг на друга, как волны: его лицо в последний вечер, синяя чашка на столе, самолетное окно, черное и равнодушное, незнакомая кровать под ней, незнакомый потолок над ней, незнакомая жизнь впереди, такая огромная, что смотреть на нее было почти невыносимо.

— Что я наделала, — сказала она вслух, просто чтобы проверить, есть ли ее голос в этой темноте, существует ли она.

Голос был. Хриплый немного, но был.

Она встала. Налила воды, выпила у окна. За окном было темно и тихо. Редкий фонарь, редкая машина. Город спал. Ей казалось неправильным, что он спит, как будто

мир должен был как-то отреагировать на ее бессонницу. Проснуться, вовлечься, поддерживать компанию.

Она снова легла. Закрыла глаза. Открыла. Встала. Взяла блокнот и посмотрела на чистую страницу. У нее не получалось вести дневник регулярно. Несколько раз начинала, но бросала на третьей записи. Сейчас почему-то рука сама начала выводить буквы, слова, фразы. Она не хотела писать роман, нужно просто было выплеснуть куда-то то, что изливалось изнутри, как есть, без редактуры.

«Мне страшно. Мне очень страшно. Я не знаю, правильно ли поступила. Не знаю, зачем я здесь. Я понятия не имею, кто я без всего того, что оставила. Я привыкла знать. Привыкла иметь план. Привыкла быть четкой и понимать, что будет завтра, послезавтра, через год. Теперь не знаю даже, что будет через полчаса. И это невыносимо. Но... странно похоже на свободу. Внезапно».

Она перечитала последнюю фразу. Потом произнесла вслух, будто пробовала на вкус: «Странно похоже на свободу». Вкус был горький и немного острый. Не сладкий. Но настоящий.

Потом друг за другом пришли воспоминания, как всегда ночью, без стука, ногой выбивая дверь. Мама, которая говорила: «Не выдумывай». Первый начальник: «Тебе нужно быть жестче». Подруга с ее: «Ты слишком много думаешь». Он, который говорил: «Ты давишь». И любимое: «Ты была хорошей»

Все они знали, кем и какой ей нужно быть. Никто не спрашивал, чего она сама хочет. А спроси они, она не смогла бы ответить, не знала. Не потому что глупая или слабая. Просто никто никогда не учил спрашивать себя об этом всерьез. Спрашивать можно было о чем угодно: что приготовить на ужин, какое платье надеть, куда поехать в отпуск. Но не «чего ты хочешь». Слишком уж

большой и дерзкий был вопрос. В некоторых семьях он считается неприличным.

Она написала в блокноте: «Чего я хочу?». И оставила строчку пустой. Оставила пустой всю страницу.

Ближе к четырем утра пришла злость. Не зря граница между утром и ночью считается временем мистики. Злилась она не на него, не на маму, не на тех, кто советовал ей, как жить правильно. Она злилась на себя, на двадцать лет примерного поведения, на все свои «мне все равно» и «как скажешь», на синюю чашку, которую оставила на столе, потому что не посмела выбросить до того, как она разбилась. На то, что понадобилось улететь за тысячи километров от дома, оказаться бессонной ночью в чужом городе. И только так получилось остановиться и посмотреть себе в лицо. Злость была горячей, живой, почти приятной после ночного холода.

— Ладно, — сказала она темноте. — Ладно. Я здесь. Смотри.

«Хорошая девочка — мертвая девочка», — вспомнились ей вдруг слова одной знакомой.

— А я еще жива. И буду жить.

Потом злость прошла. Осталась усталость. Она снова легла, натянула одеяло до подбородка, закрыла глаза. И начала вспоминать свой сегодняшний день. Японцы советуют делать так для улучшения памяти, психологи — чтобы благодарить за хорошее, что случилось. Она же решила заняться этим просто так. Потому что захотелось.

— Что было? Персик утром. Кот на подоконнике. Девочка и гипсовый гномик. Хозяин кофейни с его серьезным отношением к зернам. Старушка в шляпке, которая сказала: «Он лечит усталые души».

Она вспоминала и постепенно проваливалась в сон. Последней мыслью была: «Завтра куплю еще персик». Урожай пока невелик, но это только ее урожай.

Все это время Город молчал, как будто ее не заметил. Но это было не так. Он давно ее ждал. И увидел, как только она вышла из самолета. Скорее не увидел — почувствовал, пришла та, кто способна на многое, но еще не знает об этом. Та, которая живет во сне, как и большинство людей, но которая может пробудиться и открыть в себе силу. Она стоит на пороге, и нужно только немного ей помочь.

Город смотрел, как она сидит на подоконнике, ворочается в кровати, разговаривает сама с собой. Когда под утро ее накрыла злость, он отправил к окну летучую мышь. Она кружилась на бешеной скорости. Ей казалось, что черный комочек, который носится между стенами, — это и есть ее душа, или часть души. Ей больно, страшно, мир вокруг огромен и полон неизведанных опасностей. А она мечется, боясь остановиться, чтобы не столкнуться с черной дырой внутри себя. С потоком эмоций, с которым не справиться. Она с детства училась успокаивать сама себя. «Не драматизируй», «Не говори глупостей», «Поработай с собой» — фразы, которые стали сначала частью ее детства, а потом и всей жизни. Она научилась быть сильной, но не бережной.

— Маленькая сильная девочка, — думал Город. — Ты пока даже не представляешь, сколько сокровищ скрыто в тебе. Я обязательно покажу тебе.

— Подожди, — говорил он себе. — Она пока не готова. Не время еще со мной встречаться.

Город молчал, но комната, в которой она наконец заснула, перестала казаться мрачной и угловатой. Темнота смягчилась, как случается, когда вечером гасишь верхний яркий свет и зажигаешь ночник или лампу с абажуром. Она прошла по комнате, прикасаясь к предметам, то ли впуская их в свое пространство, то ли передавая им частичку своей энергии. Она обозначила свое право на покой. Город ее услышал.

С самого детства она любила большие города, слышала музыку в гуле городской жизни. Шум машин, музыка, огни, люди — вместе они составляли симфонию. А может, спасали от тревоги. В больших городах Ведьме казалось, что она может быть всегда одна и всегда не одинока.

В мегаполисе все на бегу: кофе на вынос, готовая еда, курьеры, любую услугу и любую вещь можно получить круглосуточно. Были бы средства и желания. Она привыкла жить в суете, как ей казалось, экономить время. Иногда, замедляясь, она вспоминала, что любила наблюдать за тем, как течет жизнь. Сидя в лобби отелей, красивых кафе или глядя на воду, она растворялась в потоке жизни, становилась единым целым с пространством, наблюдала за людьми и природой. В такие моменты Ведьме казалось, что она может говорить напрямую со Вселенной, что та ее слышит и даже отвечает. Тогда, даже если в жизни происходили странные и на первый взгляд неприятные вещи, Ведьма договаривалась со Вселенной, что так будет лучше, прекращала сопротивляться и... Нет, чудес не случалось, волшебник в голубом вертолете не спускался с небес, чтобы унести ее в счастливую жизнь на ковре-самолете, но дышать становилось легче, проблемы оказывались решаемыми, а со временем прояснялись причинно-следственные связи, она понимала, почему именно тогда и именно такой выбор был сделан.

Снова становясь частью естественного хода вещей, не пытаясь ускорить их искусственно, она словно возвращалась домой, к своей истинной природной стихии, становилась Ведьмой. Почему-то рутинная жизнь чаще уводит людей от себя настоящих, чем к себе настоящим возвращает.

Знакомясь с Городом, Ведьма вдруг обнаружила, что бежать совсем не хочется. Наоборот. Хочется замереть, смотреть и слушать. У каждого города свое лицо, свое дыхание, своя история. Один дышит музыкой из пролетающих машин, другой — ревущими мотоциклами, кто-то — усталой тишиной после тяжелого заводского рабочего дня. Некоторые города дышат отдыхом, такие города пахнут пряными фруктами и курортными романами.

— Какую историю ты расскажешь, Город? Кто ты такой?

Город ответил голосами птиц, детским смехом и каким-то ровным шумом, напоминающем шум горной реки.

Она сидела за столиком и смотрела на проходящих мимо людей. Вот парочка, у них, видимо, одно из первых свиданий. Робко смотрят друг на друга, несмело, как будто случайно, друг друга касаются, их руки уже так близки, но еще не готовы почувствовать друг друга по-настоящему, у них все впереди.

— Расстанутся, — подумала она, — уж слишком хотят выглядеть лучше, чем есть на самом деле.

— Как знать, — ответил Город наклейкой на проехавшем мимо автомобиле, похожем на угловатого жука.

Вот родители с малышом. Он не так давно научился ходить: идет пока не очень уверенно, но радуется своей самостоятельности и возможностям маленького исследователя. Родители с двух сторон подхватывают его за руки, отрывают от земли, и он летит, как на качелях, между двумя сейчас самыми важными в его жизни людьми, заливисто смеется, взвизгивает, оказываясь в самой высокой точке. Сейчас эти два человека — боги его маленького мира.

Вот женщина с сумкой через плечо и пакетом продуктов в руках. Она идет медленно и тяжело. Позади один рабочий день, сейчас дома начнется второй. В ее глазах усталость. «Когда-то ты хотела быть счастливой, мечтала... Ты хотела быть музыкантом, помнишь?» — подумала

Ведьма. Проходя мимо, женщина на секунду встретила с Ведьмой глазами. Метра через три, напротив музыкального магазина, стояло фортепиано, заботливо укрытое сотрудниками в пластиковый короб. Женщина привычно прошла было мимо, и вдруг остановилась, обернулась, подошла к инструменту и робко провела пальцами по клавишам. Внутри нее как будто боролись два человека: тот, кто хочет, и тот, который боится выглядеть глупо. Женщина обернулась, снова встретила глазами с Ведьмой. «Сделай, — мысленно сказала ей Ведьма, — вокруг тебя ничего не изменится, зато изменишься ты сама. Просто поверь». Ведьма сказала это женщине и отвела взгляд, по сути, окружающим абсолютно все равно, что с нами происходит, чаще всего переживанием о себе люди заняты гораздо больше, чем любым другим. И что человек делает со своей жизнью... важно чаще всего только для него самого.

Невозможно быстро переписать сложившиеся за годы жизненные сценарии и устоявшиеся привычки. Так же сложно, как пытаться научить людей ходить по прямым асфальтированным дорожкам в парке, когда они уже протоптали тропинку наискосок по газону. Сколько ни пиши «По газонам не ходить» — все равно хочется срезать угол, хочется сделать по-старому. И все же случаются в жизни человека секунды, когда он вдруг почему-то решает поступить не так, как привык, а так, как всегда хотелось, или так, как будет правильно для большой и пока далекой цели. Именно такие шаги в итоге и делают человека другим, круто разворачивают жизнь или наконец возвращают к себе настоящему.

Стоящая у фортепиано женщина встряхнула головой, махнула рукой, как будто произнеся: «Да пошло оно все!», села к инструменту и заиграла. Сначала еле слышно, а потом все более уверенно зазвучал «Лунный свет» Дебюсси.

Инструмент был расстроен, но даже это не мешало музыке. Женщина улыбалась сама себе и плакала, некоторые прохожие восхищенно снимали на видео, будто сами хотели так же, но не решались, а Ведьма думала, как красива сейчас эта женщина, пробудившая в себе душу.

— Спасибо, — сказала Ведьма Городу.

— Спасибо, — сказал Город Ведьме.

Женщина закончила играть, улыбнулась раздавшимся от прохожих аплодисментам и продолжила путь — такая же, как была, внешне, но немного другая внутри.

— Каждый сам выбирает, что дальше делать с движениями своей души, — с грустью сказала Ведьма.

— А что выбираешь ты? — откликнулся Город.

— Сегодня я выбираю только то, что могу выдержать.

Первые дни Ведьма просто гуляла по улицам. Оказывается, чрезвычайно сложно просто идти без цели. Она привыкла к темпу и скорости, привыкла к тому, что даже прогулка — не просто прогулка, а способ пройти десять тысяч шагов, решить параллельно рабочую задачу, купить нужные для ужина продукты. Сегодня она просто гуляла. Заходила в приглянувшиеся кофейни, сидела за столиком с чашкой кофе, наблюдала за людьми и собой. Временами накатывало одиночество, тогда улицы казались бесконечно длинными, люди менее приветливыми, здания давящими. Иногда в такие моменты она успевала заметить себя и свое состояние. «Я устала», — проговаривала она, и через пару минут находила укутанную зеленью лавочку напротив фонтана. Она садилась и оставалась на месте до тех пор, пока не хотелось встать.

«Так много звуков, так тяжело», — думала она в другой момент. И через пару кварталов оказывалась в тихом дворе, куда не долетал гул проспектов.

У нее было очень противоречивое впечатление о собственной жизни. Нельзя сказать, что она была неуспешной.